

Снег сходил тяжело, муторно, обнажая серое изъеденное нутро, словно выворачивая наизнанку душу, в которой тоже было серо и муторно. Это время года – границу между зимой и весной, приходящуюся на конец февраля – начало марта, Мила особенно не любила.

И если в областном центре это был краткосрочный период черных от накопившейся за зиму пыли и автомобильных выхлопов сугробов, которые сдавались под натиском перемежающейся дневной оттепели и ночных заморозков, а потом и вовсе вывозились с улиц бдительными коммунальными службами, в последние годы работавшими неожиданно слаженно и быстро, то здесь, в Малодвинске, захолустном городишке, в котором она, по велению судьбы, оказалась полгода назад, избавлением от снега никто и не думал заниматься, отдавая этот процесс на откуп природе.

Машин здесь было меньше, а снега, наоборот, очень много, и его съездившаяся серость не радовала глаз, а совсем наоборот, угнетала еще больше, потому что казалась воплощением той неожиданной безысходности, которая

поселилась внутри и не отпускала, как ее ни прогоняй. Казалось, что жизнь кончилась, а уж смысл ее потерялся точно, потому что на фоне поступающих новостей и связанных с ними реалий не радовало вообще ничего. День прошел, и ладно.

Мила, как могла, скрывала свое состояние от мамы, благо на разделяющем их расстоянии сделать это было просто, но ее мамочка тем и отличалась от других людей, что чувствовала Милу всегда, словно камертоном определяя дочкины мысли, страхи и переживания.

– Времена не выбирают, – ласково, но твердо повторяла она в ежедневных телефонных разговорах. – Милка, ты же всегда любила это стихотворение. И еще твой тоже любимый Толкин устами Гэндальфа сказал: «Мы не выбираем времена. Мы можем только решать, как жить в те времена, которые выбрали нас». Но ключевое слово тут «жить», Милка.

– Как жить, мам? – вяло спрашивала Мила. – Просыпаться утром, готовить завтрак, варить кофе, выбирать, какую юбку надеть, идти на работу, потом с работы... Вот вся эта рутина, по-твоему, и есть жизнь? Это же просто бессмысленное существование.

– А ты наполни его смыслом, – голос мамы звучал ласково и надежно, как всегда.

Не видя мать во время разговора, Мила была уверена, что та улыбается. Мама почти всегда улыбалась, когда смотрела на нее, а еще – на своего второго мужа, вслед за которым еще в сентябре уехала в Москву, оставив дочь в Малодвинске совсем одну. Впрочем, Мила и не думала возражать, потому что радовалась позднему маминому счастью. Та заслужила, ей-богу.

Маминому мужу, к которому Мила относилась с огромным уважением, явно тоже приходилось в нынешней ситуации непросто, но эту тему, в силу специфики его работы, домашние обходили молчанием. Блестящие аналитические способности, а также огромный опыт позволяли Андрею Погодину делать четкие прогнозы и давать дельные советы, вот только будут ли им следовать, зависело не от него. Впрочем, его привычное правило «Делай что должен и будь что будет» срабатывало и в этот раз, позволяя сохранять хотя бы внешнюю невозмутимость и мамы нервы, разумеется.

Вот только радость за маму все равно омрачалась чувством острого одиночества, которое Мила испытывала с того момента, как осталась без нее в маленьком, по сути чужом для нее городке. Пережив эту долгую холодную темную зиму, сменившуюся такой же темной весной с острым привкусом беды, Мила понимала, какую глупость совершила, приняв решение приехать в Малодвинск работать.

Тогда, летом, которое по большому счету было совсем недавно, хотя и казалось теперь, что в прошлой жизни, она искренне считала такой побег вполне оправданным, более того, необходимым, для того чтобы восстановиться после крушения всех личных планов. Уехать из родного города, где восемь лет оказались потрачены не на того человека, не ходить с ним по одним улицам, вздрагивая от одной только мысли о возможной встрече, оказаться на новом для себя месте и начать все заново, по частичкам восставая из пепла, словно птица Феникс, — такая была идея.

Мама уже тогда предупреждала, что еще ни одна проблема не решалась путем смены ландшафта, да и побег от самого себя еще тоже ни разу не привел к положительному результату, но Мила все-таки переехала в этот город, и теперь приходилось констатировать, что ничуть в этом не преуспела. Вот, правда, у мамы, которая бросила свою налаженную жизнь и уехала вслед за мятущейся дочерью, теперь все было хорошо, потому что именно здесь, в Малодвинске, она встретила Андрея Погодина и настоящую любовь¹. Что ж, тоже результат.

Как бы то ни было, но, обустроив жизнь дочери на новом для той месте, в конце сентября мама уехала вслед за мужем, а Мила осталась «зимовать». Из двухкомнатной служебной квартирки, выделенной ей школой, в которой она преподавала английский язык, Мила переехала в дом по соседству, доставшийся Андрею Погодину в наследство от бабушки.

В нагрузку к дому она получила еще и черного как смоль кота по кличке Пират, который приходил когда вздумается и вообще не обращал на Милу никакого внимания, словно она была неодушевленным предметом. В наперсники Пират не годился совершенно, и к Новому году Мила уже изнемогла от долгих вечеров в пустом доме. На каникулы она, правда, съездила в Москву, к маме и Погодину, вот только проблемы в целом это никак не решало.

¹ Подробнее в романе Л. Мартовой «Рассвет наступит незаметно». — *Прим. ред.*

– Может, уволишься? – спросила как-то мама осторожно. Хорошо зная дочь, она могла предугадать ответ. – Две четверти ты отработала, имеешь полное право написать заявление. Переедешь к нам с Андреем, найдешь работу в Москве. Мил, подумай, а.

– Мамочка, конечно, я подумала, – довольно резко ответила тогда Мила. – Это предательство – бросить детей в середине учебного года. Конечно, ты была совершенно права, и решение уехать в Малодвинск было глупым, я не приспособлена к жизни в глуши, но мои ученики в этом не виноваты. Как бы мне ни хотелось жить и работать в столице, до конца учебного года я доработаю точно. А там видно будет. Да и вам с Андреем я мешать не хочу. Я же вижу, как вам славно вдвоем.

– Милка, ну что за чушь, никогда ты мне не помешаешь, – всплеснула руками мама. – И Андрей совершенно не против, чтобы ты с нами жила. Он сто раз предлагал. Не говоря уже о том, что мы в основном обитаем за городом, городская квартира пустует, да и свою снять, в конце концов, можно, жить отдельно и устроить, наконец, свою личную жизнь. Тебе уже двадцать восемь лет, я внуков дождусь когда-нибудь?

Эта тема была для Милы совсем уж болезненной, и разговор она быстро свернула и после прекрасных десяти дней в новогодней Москве вернулась в Малодвинск, сиявший тогда белизной пышных сугробов. Колокольный звон плыл над казавшимся бесконечным льдом реки, множился в морозном воздухе на тысячи маленьких колокольчиков. Динь-динь, динь-динь.

Этой зимой Мила вдруг полюбила кататься на лыжах. Брала их в прокате, вставала на проложенную по реке лыжню и устремлялась в воскресное путешествие, наполненное звенящими колокольчиками, в котором отчего-то ее одиночество ощущалось менее остро. Зимний Малодвинск с его цветными ухоженными домиками, словно ягоды в мороженом, был не менее красив, чем летний, и Мила как-то приноровилась к нему и к себе в нем, веря, что за зимой наступит весна, а там и до лета рукой подать.

Кто ж знал, что весна окажется такой тяжелой. К счастью для Милы, на выходные перед Восьмым марта приехала мама, причем не просто приехала, а привезла полуторагодовалого ягдтерьера по кличке Кактус.

– Все не одна будешь, – объяснила мама умильно наблюдающей за обнюхивающим комнату псом Миле. – Ты же всегда хотела собаку. Вот, занимайся. Только с ним гулять много надо, охотничья порода. Но тебе полезно больше бывать на свежем воздухе. Вон какая зеленая.

– Мам, где ты его взяла? – удивленно спросила Мила. – Не щенок, вполне себе взрослая псина.

– Соседи по дачному участку попросили присмотреть, – помолчав, сказала мама. – Они уехали за границу, надолго, а собаку с собой не взяли.

Почему соседи уехали, Мила уточнять не стала. И так понятно.

– А почему он Кактус? – вместо этого спросила она.

– Потому что ершистый и колючий, – засмеялась мама. – Ягды – сложная порода, Милка, не диванная, лебезить и прислуживать не умеют. Это очень свободолобивые собаки, прям как ты. Я думаю, вы подружитесь.

Мама через два дня вернулась к мужу, заполнив холодильник наготовленными вкусностями, а Кактус остался, и вот уже месяц Мила осваивалась в новой для себя роли его хозяйки. Характер у пса действительно оказался непростой, волевой и независимый, так что кто кому был хозяином, определить было довольно сложно. Вставать теперь приходилось на час раньше, чтобы пес мог довольнo нагуляться и набегаться в парке. В первые дни Мила боялась спускать его с поводка, вдруг убежит, но Кактус был прекрасно обучен, по крайней мере, команду «ко мне» выполнял беспрекословно.

Самой большой проблемой оказалось то, что, очутившись на свободе, он тут же принимался с упоением рыть яму в снегу, в которую залезал чуть ли не целиком, утоляя врожденный инстинкт в норной охоте. С каждым днем подходящих для этого сугробов становилось все меньше, а значит, в скором времени рыть норы Кактус обязательно начнет в земле. В городском парке это будет серьезной проблемой, поэтому Мила ломала голову, где ей придется гулять с собакой, чтобы Кактус мог резвиться на свободе без оглядки на необходимость вести себя чинно и благородно.

Еще одна проблема была связана с тем, что Кактус оказался крайне привередлив в еде. От сухого корма, купленного Милой в единственном на весь Малодвинск «собачьем» магазине, отказался наотрез, а из каши, сваренной на мясном бульоне с добавлением овощей и мяса, вытаскивал самые вкусные кусочки, оставляя все остальное нетронутым.

На третий день Мила догадалась пропускать приготовленную еду через блендер. Пес разочарованно вздохнул,

но еду съел, получив в награду кусочек груши. С того дня так и повелось — за то, что он соглашался на сваренную специально кашу, за мясом и овощами для которой приходилось ходить на рынок, ему была положена «премия» в виде какого-нибудь фрукта. В качестве вознаграждения годились бананы, хурма, но лучше всего — четвертинка груши. Приходилось следить, чтобы в доме они не переводились.

Во всем остальном Кактус был, пожалуй, совершенно бесппроблемной собакой — не линял, теряя клочья шерсти, не стремился залезть в кровать или на диван, благосклонно приняв купленные и установленные в гостиной и спальне лежанки, агрессии не проявлял совсем, на прогулках позволяя себя гладить и взрослым, и детям, если те изъявляли такое желание, но излишним дружелюбием не страдал и первым никому не навязывался.

Даже Милу он воспринимал несколько отстраненно, словно за месяц так и не привыкнув к новой хозяйке или не позабыв старых. Мила с грустью думала, что Кактус, несомненно, понимает, что его бросили, а значит, предали. У нее был опыт предательства, шрамы от которого так и не прошли, а что, интересно, думают по этому поводу собаки? Как бы то ни было, ласковым этот пес не был и иногда казался грустным и потерянным, и в такой момент ему обязательно доставалась лишняя четвертинка груши. Чтобы хоть немного утешиться.

Сегодня суббота, свободный от уроков день, и можно еще поспать подольше, но Кактус, привыкший к тому, что на неделе они с Милой вставали в шесть утра, в семь

уже требовательно поскуливал, сообщая, что ему нужно на улицу. Спать хотелось ужасно, но не мучить же собаку.

Встав с постели, Мила натянула спортивный костюм, собрала волосы в хвост и, решив, что ее утренний ритуал, в отличие от собачьего, вполне можно отложить, умываться не стала. Вчера днем была оттепель, но ночью опять подморозило. Здесь, в Малодвинске, умирающая зима цеплялась за жизнь особенно ожесточенно, отвоевывая каждый вздох, и Мила уже всерьез опасалась, что носить шапку и пуховик, придется до мая.

Благодаря выходному дню можно было никуда не торопиться, и Мила решила пойти не в сторону парка, где все тропинки не раз уже исхожены, а другой дорогой, ведущей в ту часть Малодвинска, где она еще никогда не бывала. За полгода жизни в этом городе, несмотря на то что был он совсем небольшим, у нее сложились привычные маршруты, которые она использовала практически ежедневно, неосвоенных же мест оставалось довольно много, и Мила подозревала, что в каком-нибудь из них наверняка можно гулять с собакой, с учетом ее охотничьих особенностей.

Кузнечная слобода была одним из таких укромных уголков, на который когда-то приходился центр малодвинской жизни. Сначала именно там стоял главный городской храм, горевший за свою историю чуть ли не двадцать раз и после последнего пожара так и не восстановленный, точнее, отстроенный в совсем другом месте, где и располагался по сей день.

Потом в слободе обосновались кузнецы, и давшие ей название, но во второй половине двадцатого века при-

вычный стук молотков стих, деревянные строения кузниц постепенно развалились, вслед за этим опустели жилые дома и, оставшись без хозяев, обветшали, скособочились, а потом и обрушились совсем. В лихие девяностые эта часть города обезлюдела совсем, земельные участки здесь практически ничего не стоили, и только в последние полгода здесь началась хоть какая-то, как сейчас принято говорить, движуха, связанная со строительством неподалеку нового аэропорта.

Часть участков выкупало государство, по ним будет проходить взлетно-посадочная полоса, да и дорогу, ведущую к аэропорту, тоже расширяли, фактически строили заново, и, как всегда бывает, по бокам от дороги уже начинал возводиться новый, по малодвинским меркам элитный, микрорайон, состоящий из частных домов.

Из-за зимы строительство еще велось вяло, ждали таяния снега и чтобы прогрелась земля, но кое-где уже участки закрывались заборами, на них начинала заходить тяжелая техника, давая понять, что летом будет всю кипеть большая стройка. Пока же свободного места было хоть отбавляй, и, воспользовавшись свободой субботнего утра, Мила решила проверить, насколько эта часть города подходит для прогулок с Кактусом. Хотя бы и временных.

Город в его привычном понимании, а вместе с ним и тротуар кончился примерно минут через десять ходьбы неспешным шагом. Мила остановилась, гадая, идти ли по разъезжающейся под ногами глине растаявшей обочины, или рискнуть и пойти по проезжей части асфальтированной автомобильной дороги, или вообще от греха подальше повернуть обратно.

Слева примерно в километре блестела все еще покрытая льдом, словно слюдяная, поверхность реки Двинки, на фоне которой разноцветные крыши немногочисленных уже построенных здесь новых домиков смотрелись яркими праздничными заплатками. Один из домов – больше, выше, мощнее остальных – выглядел странно. Было в нем что-то необычное, резко выделяющееся из присущего Малодвинску архитектурного стиля, сочетающего в себе архаичную старину с современным вульгарным шиком. Издалека дом был похож на корабль, взрезающий палубой гладь реки, и Миле вдруг ужасно захотелось рассмотреть его поближе.

Из-за проснувшегося не вовремя любопытства она решила продолжить прогулку и смело шагнула на проезжую часть вместе с Кактусом, которого предусмотрительно держала на поводке. Машин на дороге, ведущей в Кузнечную слободу, было немного, но спускать собаку Мила предусмотрительно не стала. По ее подсчетам, до неожиданно появившейся цели их прогулки можно было добраться минут за пятнадцать. Ветер стих, пригревало солнце, и тепло одетой Миле было даже жарковато шагать по весенней дороге, поэтому она ослабила шарф, заматанный вокруг шеи.

Справа от дороги раскинулся небольшой перелесок, в котором, как рассказывала взявшая над Милой своеобразное шефство соседка тетя Стеша, по осени местные собирали грибы. По заверениям соседки, именно в этом небольшом еловом лесочке водились и белые, и рыжики, и грузди. Осенью она даже принесла оставшейся на зимушку в одиночестве Миле по трехлитровой банке соле-

ных груздей и рыжиков да всю зиму иногда подкидывала пакетики с замороженными порезанными на кусочки белыми грибами, приговаривая, что следующим летом покажет девочке щедрое грибное место, вот только «девочка» теперь искренне надеялась, что к началу сезона ее уже в Малодвинске не будет.

Заяц, выскочивший из леска, стал для нее полной неожиданностью. Она даже не сразу поняла, что это именно он, просто какой-то небольшой рыжеватый клубок выкатился на противоположную обочину метрах в пяти и застыл, встав столбиком на задние лапы. Вот тут Мила и смогла рассмотреть, что это действительно заяц. Кончики его ушей были темнее всей остальной шерсти и смешно двигались, словно антенны.

Мила остановилась, чтобы не спугнуть животное, отчетливо выделяющееся на фоне сероватого снега. Намотав поводок на левую руку, правой она полезла за телефоном, чтобы сфотографировать пушистое чудо и отправить фотографию маме. Но тут зайца заметил и Кактус.

Мила совершенно не учла, что ягдтерьеры – это серьезная охотничья порода. Для начала ее пес встал в стойку, а потом рванул с места, начиная заложенное в крови преследование. Несмотря на то что весил пес никак не больше десяти килограмм, от неожиданности Мила пошатнулась и упала, больно ударившись коленками об асфальт, зашипела от боли, схватилась за ушибленное место, выронив телефон и отпустив размотавшийся поводок.

Очутившись на свободе, Кактус сиганул через дорогу, но тут заметивший кутерьму заяц отмер и тоже метнулся через проезжую часть, метя не в лес, а в расстилающее-

ся слева поле. И именно в этот момент боковым зрением Мила заметила приближающуюся со стороны города машину.

– Кактус, Кактус, ко мне, – закричала она, но пес в раже от погони игнорировал хозяйку, снова метнулся на дорогу, преследуя свою законную добычу, прямо под колеса, – Кактус, стой, нельзя, фу.

От визга колес у нее заложило уши, и Мила, все еще сидя на мокром и грязном асфальте, зажала их руками, одновременно зажмурившись, чтобы не видеть раздавленное тельце своей собаки.

– Вы что, так и будете на земле сидеть, простудитесь же, – услышала она довольно приятный мужской голос и открыла глаза.

Перед ней стоял незнакомец, не намного старше ее, одетый, по малодвинским меркам, весьма странно – в длинное кашемировое пальто, шарф дорогого бренда, обернутый вокруг шеи, узкие брюки-дудочки и, о боже, лакированные ботинки на тонкой, совершенно не зимней подошве, нисколько не подходящей мартовской распутице.

Машина у него тоже была выпендренная, под стать ему самому, Мила глянула и глазам своим не поверила: «Альфа Ромео». Ни у кого из ее знакомых не было, да и не могло быть такой машины. Только потом ее взгляд скользнул обратно на лицо незнакомца – сердитое, но, надо признать, довольно привлекательное, с глазами неожиданного цвета расплавленного меда. Или янтаря.

От осознания, что она сидит на асфальте и откровенно пялится на человека, только что задавившего ее собаку, Милу бросило сначала в жар, а потом в холод.

– Нет, сидеть на асфальте я не буду, – пробормотала она и неуклюже встала, предпочтя не заметить протянутую ей руку. – Вы не могли бы посмотреть, что с моей собакой, быть может, ей еще можно помочь? Я боюсь сама.

– Я не готов бегать по полю за вашей собакой, – сообщил он нелюбезно. – У меня крайне скромный охотничий опыт, но полагаю, что ваш пес, как и положено ягдтерьеру, отработает на малом круге и, завершив его, прекратит преследование. Кого он погнал? Лису? Барсука? Зайца?

– Зайца, – растерянно сказала Мила и все-таки рискнула посмотреть на дорогу, однако бездыханного Кактуса там не увидела. – Он что, убежал? Спасся?

– Кто? – В глазах незнакомца вспыхнули непонятные искорки, и спустя мгновение до Милы дошло, что он над ней смеется. – Заяц или собака?

– Кактус, – сообщила Мила, чувствуя, что выглядит полной дурой. – Так зовут мою собаку. Кактус. Получается, вы ее не задавили?

– У меня нет привычки давить собак, – сообщил он. – Даже тех, кого хозяева, вопреки благоразумию, отпускают гулять по автомобильной дороге.

– Он был на поводке, – Мила понятия не имела, почему оправдывается. – Просто заяц появился так неожиданно, и я не успела отреагировать. Не удержала поводок. Господи, Кактус... И где мне теперь его искать.

– Он совершит круг и вернется, – терпеливо повторил незнакомец. – Он у вас приучен к охоте?

– Понятия не имею, – призналась Мила. – Он живет со мной всего месяц. А до этого обитал на подмо-

сковной даче, и я понятия не имею, ходил ли его хозяин на охоту. Наверное, надо радоваться, что этот заяц рванул в поле, а не в лес. Так поймать Кактуса, наверное, будет проще.

– Зайцы-русаки живут не в лесу, а именно в полях, – незнакомец вздохнул. Видимо, расстраивался, что зря теряет время, разговаривая на дороге с полоумной девицей, потерявшей собаку. – Они роют в земле небольшие углубления, их еще называют «форма», и все лето живут в траве, где прячут зайчат. Вон, возвращается ваша собака, смотрите.

Набегавшийся Кактус действительно возвращался к дороге, мокрый от снега, в который, Мила видела, проваливался по самые уши. Бедный пес.

– Вам куда? – голос собеседника заставил ее отвернуться от Кактуса и посмотреть на него. – Давайте я вас подвезу.

– Нет, спасибо, – возразила Мила. – Мы просто гуляем, поэтому никуда не торопимся.

– Как же вы будете гулять в таком виде?

Признаться, Мила не совсем поняла, что именно имеет в виду ее собеседник, но, опустив глаза вниз, с ужасом обнаружила на насквозь промокших и грязных джинсах довольно крупную дыру на колене. Жирная грязь щедро размазалась и по подолу пуховика, совсем недавно голубого и нарядного. Да, незнакомец прав, гулять в таком виде значит привлечь к себе невольное внимание окружающих.

– Так вам куда? – деловито спросил тот, видимо, устав препираться.

– А вам? – спросила Мила, чувствуя, что сегодня бьет все рекорды тупости и плохих манер.

Мама была бы недовольна. Она-то бы уж точно знала, как выкрутиться из столь плачевной ситуации. А точнее, как в нее вовсе не попасть.

– Мне – в Кузнечную слободу, – сообщил собеседник. – Судя по направлению вашего движения, вам туда же, поэтому еще раз предлагаю вас подвезти, тем более что вот она, ваша собака.

Мокрый и совершенно счастливый Кактус действительно выбрался из оврага на дорогу, подошел к Миле, волоча за собой по земле отчаянно грязный поводок. Вот ведь негодник. Мила наклонилась и крепко намотала петлю поводка на руку, больше терять собаку она не собиралась.

– Мы шли в Кузнечную слободу, потому что меня заинтересовал вон тот дом, – Мила кивнула в сторону «корабля», – захотелось увидеть его поближе. Но вообще-то мы живем в городе. Наверное, с учетом сложившихся обстоятельств нам лучше вернуться домой, так что вам явно в другую сторону. Да и внутрь машины в таком виде садиться неудобно. Мы с Кактусом... э-э-э... немного грязные.

Человек в кашемировом пальто рассмеялся, правда, необидно. Рядом с ним, таким невозможно элегантным, Мила чувствовала себя замарашкой. Впрочем, именно ею она сейчас и была.

– У меня в салоне кожаные сиденья, так что протереть их потом тряпкой нетрудно, – сказал он. – Я бы предложил сразу отвезти вас в город, но не могу, у ме-

ня в слободе назначена встреча с заказчиком, на которую я уже довольно сильно опаздываю, а заказчик человек серьезный, ждать не любит. Так что предлагаю следующий вариант. Мы вместе едем в слободу, тем более что меня ждут именно на том объекте, который вы хотели рассмотреть. Я встречаюсь с заказчиком, это займет примерно полчаса, вы за это время удовлетворите свое любопытство, а потом я отвезу вас домой. Договорились?

Объект? Заказчик? Он что, строит этот необыкновенный дом? Миле действительно становилось все интереснее.

– Да, пожалуй, я соглашусь на ваше предложение, если вас не тревожит судьба ваших сидений, – проговорила она. – Спасибо за предложение и за то, что остановились и не сбили Кактуса.

Вместо ответа он зашагал к машине, распахнул заднюю дверь, приглашая Милу и ее пса внутрь. Стараясь ничего особо не задеть, Мила уселась на самом краешке, разместив Кактуса на резиновом коврик у своих ног. Сиденья, действительно кожаные, оказались бежевого цвета, и Мила, с которой текла грязная вода, чувствовала себя ужасно неудобно.

– Меня зовут Савелий Гранатов, – представился владелец машины, невозмутимо взирая в зеркало заднего вида на осквернение своей машины. – А вас?

– Мила. То есть Камилла Эрнандес.

– Надо же, какое у вас необычное имя.

– Мой папа – канадец. Правда, родители развелись, когда мне было одиннадцать лет, но фамилию мама мне

менять не стала. Хотя, надо признать, в повседневной жизни она причиняет много неудобств.

– То есть можно сделать вывод, что замужем вы не были, иначе воспользовались бы случаем сменить фамилию, причиняющую неудобства. Я не очень склонен к политесу, так что простите, если веду себя не тактично.

– Ничего страшного, – Мила пожала плечами, – замужем я действительно не была, хотя и не понимаю, какое это имеет значение. Вы сказали, что заинтересовавший меня дом – это ваш объект. Вы строитель?

– Архитектор. Говорят, довольно модный. По крайней мере, именно поэтому меня нанял на работу местный крупный предприниматель. Оценить то, что я делаю, он вряд ли в состоянии, но имя архитектора, широко известное в узких кругах, для него значит много.

Миле показалось или в его голосе послышалась то ли горечь, то ли фальшь. Да, точно, фальшь.

– А вы кем работаете?

– Я учительница английского языка.

Мила поймала его взгляд в зеркале заднего вида. Очень внимательный.

– Никогда бы не подумал, что в местной школе английский может преподавать нативный спикер. Что ж, уровень образования в российской глубинке впечатляет. Неужели вам тут не скучно? Принципиально не уезжаете с малой родины?

– Извините, но в вас говорит снобизм, – сказала Мила сухо. – Я не местная, приехала поработать, всего на год, но уже успела убедиться, что в этом городе

живут прекрасные люди. Добрые, умные, сильные. Если останетесь, хотя бы ненадолго, сможете сами в этом убедиться.

– Неужели ни одного подлеца или мерзавца? – поинтересовался Савелий Гранатов. Глаза в зеркале смеялись.

– Ну почему, – не дала сбить себя с толку Мила. – Есть и те, и другие, как и везде. Но хороших людей все равно больше, и жизнь здесь есть, пусть и не такая разнообразная в плане развлечений, как в областном центре и уж тем более в Москве. А вы сами откуда?

– Из областного центра, учился в Питере, потом вернулся.

– Что ж так? – не преминула поддеть Мила. – Я думала, что модные архитекторы все в столицах.

– А теперь снобизм говорит в вас, – он засмеялся, давая понять, что оценил ее подколку по достоинству. – Мои заказчики живут по всей стране, и дома, построенные по моим проектам, есть хоть в Подмоскovie, хоть в Эсто-Садке, да и за границей тоже. Я довольно много мотаюсь, поэтому большую часть времени вообще живу в гостиницах, но свой дом у меня в родном городе, да. Там спокойнее, тише и меньше суеты, которую я, признаться, терпеть не могу.

За разговором они свернули с асфальта на глиняную размокшую дорогу, ведущую в сторону реки, туда, где парил красавец-дом. Вблизи он казался еще более необычным. Мила была готова голову отдать на отсечение, что никогда в жизни не видела ничего подобного. Этот дом был бы вполне уместным где-нибудь на средиземноморском побережье, а вот в Кузнечной слободе выглядел

космическим пришельцем. Интересно, и кто из местных мог согласиться на такой проект?

Крупных бизнесменов, способных позволить себе подобные траты, в Малодвинске было всего трое, и с двумя из них благодаря маме и Андрею Погодину Мила знакома лично. Александр Соболев, эстет и си-барит, пожалуй, больше подходил к этому дому, чем основательный, но немного лапотный Олег Васин. Вот только Соболев все еще приходил в себя после смерти Вики Угловской, при расследовании гибели которой мама и Андрей как раз и познакомились. Бизнесмен действительно любил Вику, а потому переживал случившееся тяжело, так что вряд ли был готов затеваться со столь масштабным строительством. Хотя кто их, мужчин, знает.

Машина остановилась, мягко шурша колесами по гравию специально отсыпанной под парковку площадки. Не дожидаясь, пока водитель выйдет и откроет ей дверь, Мила вышла из машины сама, выпустила Кактуса, который принялся деловито обнюхивать землю вокруг. Ей показалось, или Савелий Гранатов смотрел неодобрительно, явно недовольный ее независимостью. Мила дернула плечом, вот еще, считать, что женщина не в состоянии самостоятельно выйти из машины – это домострой и гендерное неравенство.

Впрочем, думать про это было неинтересно. Мила задрала голову, рассматривая необыкновенный дом. Вблизи он не так походил на корабль. Просто здание, хотя и довольно необычной формы. Ворота открылись, и из них вышел Олег Васин собственной персоной. Значит, это

был все-таки его дом. Так и запишем. Мила вдруг представила, с каким удовольствием вечером расскажет об этом необычайном визите маме.

– Здравствуй, Камилла, – с легким удивлением, но без всякого недовольствия сказал Васин. – Ты тут какими судьбами?

– Меня Савелий подобрал на дороге после небольшого инцидента, я с собакой гуляла. Обещал потом доставить домой, а пока любезно согласился показать дом, который очень привлек мое внимание. Он ваш, да, Олег Иванович?

– Да вот, затеялся на старости лет, – бизнесмен картинно развел руками. – Решил основательно построиться, чтобы детям и внукам было что оставить. Строит моя компания, сама понимаешь. А вот архитектора мне знающие люди посоветовали, сказали, что Савелий сейчас один из лучших.

Почему-то ей показалось, что и в этих словах кроется неправда. Но Мила тут же выкинула эту глупую мысль из головы.

– Это сразу видно, – честно призналась она. – Я этот дом с дороги заметила и сразу захотела вблизи рассмотреть. Он такой необычный. С одной стороны, ни на что непохожий, а с другой – удивительным образом вам подходит, Олег Иванович.

Последнее предложение она не собиралась произносить, поскольку еще пару минут назад была искренне убеждена, что дом-корабль никак не может принадлежать Васину. Понимание, что бизнесмен с его домом словно составляют единое целое, пришло ниоткуда, но

Мила теперь видела это совершенно отчетливо. Да, пожалуй, этот самый архитектор Гранатов действительно талант.

– Нам с Олегом Ивановичем надо поговорить, – вмешался в беседу последний. – Вы можете пройти в дом, чтобы не мерзнуть, контур закрыт и отопление подключено, хотя отделка еще не закончена. Хотите?

– Нет, я лучше с собакой погуляю, – отказалась Мила, которой было неудобно заходить внутрь без приглашения хозяина. Васин же молчал, и она гадала почему. Считает, что приглашения архитектора достаточно или вообще не считает нужным показывать свое будущее жилище изнутри? Уточнять не хотелось. – Я ведь специально шла, чтобы посмотреть, можно ли сюда приходить с Кактусом. Это норная собака, а в городском парке рыть ямы не очень правильно.

– Тут полно свободного места, – Васин махнул рукой в сторону реки и видневшегося неподалеку небольшого пролеска. – Гуляйте сколько хотите.

– Сколько у меня времени? – Миле не хотелось задерживать архитектора более положенного.

– Полчаса, – коротко ответил тот.

– Хорошо, через полчаса мы вернемся.

Мужчины повернулись и скрылись за воротами, оставив Милу одну, то есть с Кактусом, конечно. Внезапно ей стало обидно, что ее даже и не думали уговаривать остаться. Промокшие на коленках штаны неприятно холодили ноги, размазавшаяся по пуховику грязь подсыхала, отчего Мила со стороны походила на бомжа. Гулять в таком виде было неудобно, но и менять свое же, принятое

явно впопыхах решение не хотелось. Не ребенок же, взрослый человек.

– Пойдем, Кактус, – уныло сказала Мила. Пес удивленно смотрел на нее, видимо, не привыкший к унылым ноткам в голосе новой хозяйки.

Мила Эрнандес и правда была совершенно не склонна к унынию, но этой весной все шло наперекосяк, совершенно все. По тропинке, ведущей в сторону реки, они дошли до перелеска, где Мила, наконец, спустила собаку с поводка. Счастливый Кактус тут же кинулся рыть нору в мокрой черной земле, и Мила с ужасом думала о том, что теперь, пожалуй, посадить собаку в бежевое нутро «Альфа Ромео» будет и вовсе невозможно.

Впрочем, в леске хорошо пахло – какой-то свежей весенней прелью, от аромата которой хотелось верить, что все обязательно будет хорошо. Прислонившись спиной к стволу березы (а что, пуховик все равно стирать), Мила закрыла глаза и внезапно ощутила, как на нее снисходит какое-то странное спокойствие. Ей было хорошо вот так бесцельно и бездумно стоять в весеннем лесу, в котором только-только начал сходить снег, и слушать робкое пение птиц, словно, как и Мила, не верящих в то, что весна, а вслед за ней и счастье, не просто возможны, а совсем близко.

Послышался негромкий звук, словно под чьей-то ногой хрустнула ветка. Мила распахнула глаза, ей внезапно стало страшно, что здесь, в лесу, вдалеке от жилья и людей, она находится совершенно одна. Между голыми стволами мелькнуло что-то темное, она не успела разглядеть, что именно, потому что сбоку вылетел из вырытой им ямы

Кактус, с хриплым лаем помчался в сторону лесной чащи, видимо, преследуя невидимого Милой врага.

– Кактус, Кактус! – закричала она, испугавшись, что не сможет догнать собаку. Потеряется, что она будет делать. За тот месяц, что пес жил в ее доме, она успела к нему привыкнуть и полюбить. – Кактус!

Пес, услышав ее призыв, остановился вдалеке, встав в классическую охотничью стойку, еще пару раз гавкнул и неохотно потрусил обратно, то ли прогнав врага, то ли решив, что тот не стоит его внимания.

– И где с тобой прикажешь гулять? – ворчливо спросила она у подбежавшей собаки и нагнулась, пристегивая поводок. – Пойдем, горе мое. Нам надо возвращаться, нехорошо, если нас придется ждать.

Ее собака что-то держала в зубах. Разглядеть, что именно, не удавалось, потому что разжимать челюсти и показывать свою добычу Кактус не собирался, мотал головой, уворачиваясь от хозяйкиных рук, и, помучившись с минуту, Мила плюнула и оставила пса в покое. Не хочет, пусть несет неведомую поклажу, пока не надоест. А как надоест, сам бросит.

По той же тропинке они вернулись обратно к васинскому дому. Савелий Гранатов уже стоял у машины, расслабленно опираясь на дверцу. Мила тут же почувствовала себя виноватой, что заставила себя ждать.

– Простите, – покаянно сказала она, – Кактус сначала увлекся рытьем ямы, а потом погнался за каким-то зверем.

Архитектор засмеялся, словно она сказала невесть что смешное.

– Ваша собака, похоже, ищет любой повод проявить свои охотничьи инстинкты. Вот только места выбирает явно неподходящие. Откуда тут зверь, фактически в городской черте?

– Но там точно кто-то был, – упрямо сообщила Мила. – Я видела.

– Кто? Кабан?

– Понятия не имею. Что-то темное пробиралось сквозь кусты. Кактус погнался, а потом вернулся, потому что я его позвала.

– Если бы это был зверь, то он бы не вернулся, а погнал его по кругу, – голос Савелия Гранатова звучал наставительно. – Ладно, не важно, поехали, я отвезу вас домой. Вас обоих, простите, нужно хорошенечко вымыть.

Мила опустила глаза на свои грязные джинсы и куртку, и лицо ее вспыхнуло от смущения. Золушка и замарашка, вот она кто.

– С того момента, как мы в прошлый раз сидели в вашей машине, Кактус стал значительно грязнее, – покайнно сказала она. – Может быть, вы поезжайте, а мы сами доберемся?

Вместо ответа он распахнул дверь. Тяжело вздохнув, Мила полезла внутрь, Кактусу повторять приглашение и вовсе было не нужно.

– Я с Олегом Ивановичем не попрощалась, – спохватилась Мила, когда машина тронулась.

– Олег Иванович уже уехал, – ответил ее новый знакомый. – Он человек занятой, у него еще в строящемся аэропорту дела.

Строительная компания Олега Васина действительно выиграла тендер на строительство нового аэропорта и всюду вела работы, стараясь уложиться в довольно сжатые сроки. К примеру, на другом конце Кузнечной слободы шло выравнивание местности под возведение взлетно-посадочной полосы. Частные участки выкупило государство, и там теперь сносились остатки домов, конечно, где они еще остались. Один из таких земельных участков и стал причиной убийства Вики Угловской, и, несмотря на то что с того дня, как это случилось, прошло уже семь месяцев, Мила никак не могла взять в толк, как из-за куска земли и положенных за него денег можно убить человека.

– А вы в Малодвинске давно? – спросила она у своего нового знакомого. Не то чтобы ей было интересно, но молчать было как-то невежливо. – Просто я вас не видела, а городок маленький.

– Я вас тоже не видел, – серьезно ответил тот, не поворачиваясь. Мила видела в зеркале заднего вида его глаза. Серьезные и внимательные. – А в Малодвинске я бываю в основном наездами. Первый раз был в сентябре, когда Олег Иванович заказал мне проект дома. Приезжал смотреть местность и контекст, так скажем, в котором предстоит находиться моему дому. Я никогда не строю вне контекста.

– Дом выглядит странно, – призналась Мила. – Очень интересно выглядит, потому что он совершенно не похож на Малодвинск с его патриархальным укладом, но при этом идеально в него вписывается и Олегу Ивановичу удивительным образом подходит, хотя нет никого более